

ГРАНИ

GRANI

94

1974

Verlagsort: Frankfurt/Main, Oktober-Dezember

ПОСЕВ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОВЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

И

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

САМИЗДАТ. ИЗБРАННОЕ. ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ СЕРИЯ

УСЛОВИЯ ГОДОВОЙ ПОДПИСКИ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ

«Посев» и 4 брошюры «Вольного слова»: В Европе — 65 н. м., в США и Канаде — с дост. «Посева» по воздуху — 33 ам. дол., простой почтой — 27 ам. дол.; с дост. обоих изданий по воздуху — 35 ам. дол.

«Посев»: в Европе — 50 н. м., в США и Канаде возд. почтой — 27 ам. дол.; простой почтой — 22 ам. дол.

Журналистическая подписка на «Посев» и 4 брошюры «Вольного слова», предоставляющая право использовать весь материал, не снабженный «copyright», без предварительного согласования: в Европе — 240 н. м., в остальном мире (с индивидуальной доставкой возд. почтой) — 270 н. м.

УСЛОВИЯ ГОДОВОЙ ПОДПИСКИ ЧЕРЕЗ МАГАЗИНЫ ИЛИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

«Посев» и 4 брошюры «Вольного слова»: в Европе — 78 н. м., в США и Канаде — с дост. «Посева» по воздуху — 40 ам. дол., простой почтой — 32 ам. дол.; с дост. обоих изданий по воздуху — 42 ам. дол.

«Посев»: в Европе — 60 н. м., в США и Канаде возд. почтой — 32 ам. дол.; простой почтой — 27 ам. дол.; в Австралии — 20 ав. дол. (по воздуху).

Стоимость подписки в неевропейских странах, кроме США, Канады и Австралии, простой почтой — та же, что и в Европе; авиапочтой — с доплатой за пересылку.

Стоимость в розничной продаже: 5 н. м. — или эквивалент 5 н. м. — для Европы и неевропейских стран; для США и Канады 2 ам. дол.; для Австралии 1.60 ав. дол.

VERLAG — POSSEV — REDAKTION

D - 6230 Frankfurt/M. 80, Flurscheideweg 15

Telefon: 34 12 65. Postscheckkonto 33461 Frankfurt/M.

Bank: Nassauische Sparkasse 161 001 163 Frankfurt/M.

Telegramme: Posseverlag Frankfurtmain

Г Р А Н И

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Год издания XXIX

№ 94

1974 год

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

- ВЛ. КОРНИЛОВ — «Девочки и дамочки». Повесть 3
- ВАСИЛИЙ БЕТАКИ — Памяти Чехословакии. Зеленый луч.
«Где-то там — ночная питерская тишь...». Мы —
из Китежа. Стихи 141
- ВАЛЕРИЙ ЛЕВЯТОВ — Пьяницы. Рассказ 149

ДНЕВНИКИ, ВОСПОМИНАНИЯ, ДОКУМЕНТЫ

- ЮРИЙ ГАЛАНСКОВ — Письма родным и друзьям 167

ПУБЛИЦИСТИКА

- ИГУМЕН ГЕННАДИЙ (ЭЙКАЛОВИЧ) — Историчесофские
узоры 208

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

- ВЕРА КАРПОВИЧ — Исследование новообразований и да-
левских слов у Солженицына 236
- Коротко о книгах и журналах 267
- Список книг, поступивших в редакцию 270

*Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора,
не обязательно выражают мнение редакции.*

*Не принятые к публикации рукописи
редакцией не возвращаются.*

© 1974 by Possev-Verlag
V. Gorachek K. G., Frankfurt am Main

Издательство «Посев»

Исследование новообразований и далевских слов у Солженицына

Словарное своеобразие языка Александра Солженицына и его языковое новаторство было отмечено в критической литературе сразу же после появления его первого произведения «Один день Ивана Денисовича» в 11 номере журнала «Новый мир» за 1962 г. Свообразие это оказалось неслучайным в его языке. Все последующие его произведения как художественные, так и публицистические, напечатанные либо в Советском Союзе (их немного — «Матрёнин двор», «Случай на станции Кречетовка», «Для пользы дела»), либо на Западе («В круге первом», «Раковый корпус», «Август Четырнадцатого» и др.), отмечены той же редкой лексической оригинальностью.

Солженицын отличается от своих предшественников, русских классиков, не тем, что он пытается оживить и освежить современный литературный язык за счет народного (этим занимались многие), а тем, что он делает это по заранее составленному широкому плану¹. Поэтому изучение словарных особенностей языка Солженицына было начато с изучения его статьи «Не обычай дёгтем...» Там он указывает на некоторые причины обеднения лексикона современного литературного языка («наша речь пострадала», «пороки, сильно поразив письменную речь», «словарный запас неуклонно тощал», «словарный запас ... скудеет») и предлагает реверсировать этот процесс посредством «осторожного словарного расширения: продуманного употребления (в

авторской речи!) ...слов», заимствованных из народной лексики (главным образом, из словаря Даля), а также новообразований, использующих естественные преимущества русской грамматики. Таким образом, Солженицын предлагает некий план «обогащения» русского литературного языка, причем здесь (как и во всей статье) термин «обогащение» означает только процесс введения писателем новых и далевских слов в литературный язык; этот термин вовсе не является суждением о ценности этих слов.

Задача исследования состояла в том, чтобы дать, с точки зрения современной системы языка, семантический, морфологический и словообразовательный анализ новообразований Солженицына и заимствованных далевских слов; определить тенденции и предпочтения автора и приблизительно оценить количество слов в различных грамматических категориях. В этой статье рассматриваются только: а) новообразования Солженицына и б) слова, заимствованные из Толкового словаря Даля, не вошедшие в нормативные словари современного литературного языка.

Работа по исследованию «словарных особенностей» заключалась в следующем:

а) выявление всех «необычных слов» в произведениях Солженицына, опубликованных до 1973 года (около 2500);

б) отбор слов-«особенностей» (около 1350) из полученной коллекции;

в) расписывание и толкование слов;

г) разбивка по грамматическим категориям;

д) систематизация слов внутри каждой грамматической категории по словообразовательным типам;

е) комментарии к тем словам, где они казались нужными;

ж) статистика слов и частота их употребления автором;

з) общая характеристика слов-«особенностей».

Хотя Солженицын в своем плане предлагает «осторожное словарное расширение: продуманное употребление (в авторской речи!)» новых и далевских слов, анализ словарного состава его произведений показал, что он иногда (как бы отступая от плана) дает новообразования и далевские слова и в прямой речи. Однако количество таких отступлений незначительно: 27 новых слов и 39 далевских, то есть менее 5% всех «особенностей».

В качестве нормативных были использованы оба академических словаря современного литературного языка:

1. «Словарь современного русского литературного языка» в 17 томах, АН СССР, 1948—1965 (САН).
2. «Словарь русского языка» в 4 томах, АН СССР, 1957—1961 (СРЯ).

В работе над «особенностями», заимствованными писателем из далевской лексики, был использован «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (второе издание 1880—1882). Даль попытался создать единственный в своем роде в русской лексикографии словник, в основу которого он положил «живой народный язык, сберегший в жизненной свежести дух, который придает языку стойкость, силу, ясность, целостность и красоту, должен послужить источником и сокровищницей для развития образованной, разумной русской речи, взамен нынешнего языка нашего, кажечника»². В целом этот словарь не только охватывает просторечно-диалектную лексику и профессиональные диалекты, но в нем также имеются церковнославянизмы (правда, по словам Даля, только те, которые употребляются в живом языке) и иностранные слова. Кроме того, словарь дает множество иллюстраций слов, употребляемых в фразеологических сочетаниях, пословицах, поговорках, прибаутках.

СЛУЧАЙНЫЕ ИЛИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ СЛОВА?

Одноразовое употребление новых слов Солженицыным может навести на мысль, что это — «случайные» слова. Вопрос о таких словах не так давно вновь обсуждался в русской лингвистике; в 1957 году они были названы «окказиональными»³.

«Случайные», или «окказиональные» слова определяются современными русскими лингвистами следующим образом:

а) они не предлагаются автором для внедрения в язык;

б) значение их полностью зависит от контекста; вне контекста они не могут быть поняты;

в) немногочисленны в лексике данного писателя (исключения — русские поэты — Белый, Хлебников, Маяковский);

г) возникают непроизвольно, «так сказалось» (исключения — Белый, Хлебников, Маяковский).

У Солженицына же:

а) новые слова именно предлагаются автором для «осторожного словарного расширения»;

б) в подавляющем большинстве они выразительны и понятны без контекста;

в) весьма многочисленны (около 800) в произведениях, до сих пор написанных;

г) созданы в результате намеренного словообразовательного творчества.

Единственное, что сближает солженицынские новые слова с окказиональными, это то, что те и другие имеют авторов, однако цели авторов в создании этих слов совершенно различны.

Хотя некоторые новообразования Солженицына и могут быть отнесены к категории случайных слов (они есть в языке каждого писателя), основную массу его новых слов следовало бы назвать экспериментальными. То же можно сказать и о словах, выбранных автором из

словаря Даля, — это эксперимент по привлечению в язык «достойных русских слов»⁴, попытка обогащения литературного языка.

О значении и оценке солженицынского языкового эксперимента пока говорить еще рано, слишком мало прошло времени. Но можно сделать некоторые наблюдения, как и почему был поставлен этот смелый лексический опыт.

МОТИВЫ К ОБОГАЩЕНИЮ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Некоторые мотивы указаны самим автором в его программной статье «Не обычай...». В ней говорится, что расширение словарного состава современного литературного языка необходимо потому, что: «Наша письменная речь пострадала: в своем словарном запасе, и грамматическом строе, и самое главное, в складе... Словарный запас неуклонно тощал...»; что «словарный запас устной речи, хотя и переполнялся множеством терминов науки и техники и преходящим жаргоном,... тоже скудеет»⁵.

Обеднение словарного состава современного литературного языка Солженицын, с одной стороны, объясняет причинами трехсотлетней исторической давности, а именно, что «еще с петровских времен» русская речь страдала «то от насильственной властной ломки, то под перьями образованного сословия, думавшего по-французски, то от резвости переводчика, то от торопливости пишущих...». С другой, — русские писатели «ленились выискивать и привлекать достойные русские слова, или стыдились их 'грубости', или корили их за неспособность выразить современную высокую тонкую мысль»⁶.

Указанные причины, однако, кажутся далеко недостаточными, если говорить об оскудении языка в советскую эпоху. О сугубых причинах обеднения языка за последние пятьдесят лет, которых Солженицын не

может не знать, ему пришлось умолчать. Между тем причины явны.

Нет свободы политической жизни, нет свободной религиозной жизни; цензура парализует огромную область гуманитарных наук и делает ее убогой и бесцветной. Целые слои русского общества были уничтожены (интеллигенция, духовенство, купечество, зажиточное крестьянство и др.). С людьми умер их специфический язык. Духовная бедность и материальное убожество подсоветской жизни, естественно, привели к обеднению словарного состава современного русского языка. Прав И. А. Бодуэн де Куртене, говоря в предисловии к новому, исправленному и дополненному изданию словаря Даля, что словарный состав языка прежде всего отражает действительную жизнь данного народа⁷.

Обязательные требования «соцреализма» и советская цензура создали благоприятную почву для чрезвычайного развития словарных штампов у советских писателей. Словесный шаблон позволял писателям легче приноровиться к духу и требованиям советской цензуры. Это привело к уничтожению «живого изложения» и к обеднению литературного языка. Еще в 1934 году в своей статье «О драматургии» советский писатель А. Н. Толстой писал, что язык готовых выражений, штампов «тем плох, что в нем утрачено ощущение движения, жеста, образа... 'Буйная рожь' — это образ. 'Буйный рост наших заводов' — это зрительная метафора. 'Буйный рост нашей кинематографии' — здесь уже полная потеря зрительного образа, бессмыслица...»⁸.

В конце пятидесятых годов в «Новом мире» и в серии сборников «Вопросы культуры речи» под редакцией Ожегова поднимается кампания «против словесных штампов». Оказывается, словесный шаблон, «обедняя язык, обедняет тем самым возможность выражения нашей мысли»⁹. В. В. Виноградов, говоря «о языке советских художественных произведений», прямо указывает на их первый недостаток — «это часто проступающая

стилистическая одноцветность, монотонность, словесная бледность и серость, стандартность языка автора»¹⁰. По мнению Виноградова, «шаблонизацией стиля» страдают как менее крупные советские писатели и поэты, так и известные и маститые (А. Сурков, С. Михалков, К. Симонов и другие), только первые заметно в этом деле превосходят последних, особенно в прозе и драме¹¹. Позднее, в 1965 году, эта же тема подхватывается «Литературной газетой». Здесь опять выступает Виноградов, которому приходится признать, что некий Алексей Югов, этот «защитник древней русской старины, фольклорных вольностей и просторечно-диалектных прав... справедливо пишет», что в языке советской литературы лишь «сохраняется смысловое, событийное, но исчезают, испаряются цвета, краски, зримость художественного описания, его скупость»¹². То есть исчезает всё то, что делает литературу художественной. А. Твардовский в своей интересной статье «О Бунине» сокрушается, что «мы [советские писатели. — В. К.] долго придавали мастерству письма лишь второстепенное значение...»¹³. На выступление Виноградова Солженицын отвечает своей статьей «Не обычай дегтем:..», в которой указывает на пути обновления и обогащения словарного запаса русского литературного языка.

Одновременно с процессом обеднения литературного языка в советскую эпоху происходит другой процесс — некоторое обогащение языка а) за счет заимствований из европейских языков и б) за счет «возрождения устаревшей лексики».

Заимствованиями из европейских языков русский язык пользовался исстари. Однако огульное, беспорядочное внедрение иностранных слов неоднократно приводило к ущербу литературного языка, а не к его богатству. Тяготение к иностранным словам в советскую эпоху ярко отражено в словаре «Новые слова и значения» 1971 года, составленного работниками Института русского языка АН СССР. Этот словарь-справоч-

ник «включает, как правило, слова литературного языка»¹⁴ и «содержит около 3500 новых слов и значений,... которые появились в 50 - 60 годы XX века или несколько ранее»¹⁵. В этом словаре имеется лишь около 750 чисто русских слов (то есть 21%); остальные — иностранные, взятые в чистом или обруселом виде. В статье «От издательства» сказано, что «...большая часть слов... употреблялась в узких языковых сферах,... теперь же через прессу и литературу массового пользования стала (или становится) достоянием литературного языка»¹⁶. Согласно этому справочнику, в СССР употребляются такие слова: гидесса, джинсы, дизайнер, кар, карт, минискерт, паблисити, миксер, шоу, новеллистка, круиз, круизный, стриптиз, стриптизный, стриптизка, футболишь, чипсы и мн. др. Как пишет Солженицын, «...наталкивали без удержу иностранных слов... часто никчемных»¹⁷. По отношению к заимствованиям с западноевропейских языков Солженицын (как Пушкин, Толстой) держится умеренного курса: принимает обрусевшие и необходимые слова (энергия, нерв, процесс, диалог, проблема, профиль, футбол, хирург) и отвергает ненужные слова, которые имеют эквиваленты в русском языке.

Еще один процесс обогащения современного литературного языка отмечается советскими лингвистами: «возрождение устаревшей лексики»¹⁸. После революции 1917 года, в связи с ломкой всей государственной системы, выпали из активного русского словаря такие слова, как губернатор, голова, чиновник, министр, генерал, солдат, офицер, гвардия и мн. др. Эти слова ушли в так называемый пассивный словарь и стали своего рода «историзмами». А. Н. Кожин отмечает, что многие из этих слов постепенно возвращаются в «действующий» словарь, иногда с новым оттенком в значении или с новой экспрессивной окраской. Так, например, вновь стали активными такие слова, как солдат, офицер, генерал, министр и т. п.; прилагательное «знатный» стало вхо-

дить в словосочетания, которые до революции были бы немислимы: знатный животновод, знатная доярка, знатная ткачиха и т. п.¹⁹. Однако обогащение словарного состава за счет возрожденной лексики такого типа незначительно.

В этих неблагоприятных для русского литературного языка условиях появляется статья Солженицына «Не обычай дегтем...»²⁰. В ней признается «порча русской письменной речи» и утверждается, что «настали решающие десятилетия, когда еще в наших силах исправить беду» путем «очень осторожного словарного расширения, продуманного употребления (в авторской речи!) таких слов, которые хоть и не живут в современном разговорном языке, но настолько близко расположены за стёсами клина и настолько понятно употребляются автором, что могут прийтись по нраву говорящим, привлечь их — и так вернуться в язык»²¹. Под словами, которые «расположены за стёсами клина», Солженицын понимает народную лексику, то есть диалектные и просторечные слова, отсутствующие в нормативных словарях. Главным источником этой лексики для Солженицына является словарь Даля.

В самом стремлении Солженицына включить народную лексику в литературный словарь нет ничего оригинального. Как пишет В. И. Чернышев: «Не только Пушкин и последующие писатели, но и Ломоносов и Карамзин признавали за народным языком обширные права на употребление в речи образованных людей и в книгах»²². Большие художники русского слова (Гоголь, Тургенев, Лесков, Толстой), владея не только литературным языком, но и живой разговорной речью, стремились также усвоить различные диалектные и просторечные слои языка. В. В. Виноградов пишет «о языке Толстого (50—60-е годы)», что «интенсивно развиваются, углубляются, разрабатываются новые формы стиля, в первую очередь те, которые ориентируются на разговорную речь и просторечие, на крестьянский

язык и стили устной народной словесности»²³. То же можно сказать и о языке других писателей второй половины XIX века (Лесков, Мельников-Печерский, Златовратский и др.). Но ни у одного русского писателя, однако, нельзя обнаружить какого-нибудь заранее обдуманного плана использования народной лексики. Сама идея «обогащения» литературного языка не была актуальной ни в XIX веке, ни в XX до революции 1917 года. Только в советскую эпоху язык попадает в беду, когда пришлось большому русскому писателю заговорить об обогащении языка как о насущной необходимости, не терпящей отлагательства.

Изучение всех опубликованных по 1973 г. текстов Солженицына показывает, что он старается обогатить русский литературный язык по некоторому определенному плану, основные положения которого изложены им в статье «Не обычай дегтем...»

Вкратце эти положения можно сформулировать так:

1. По возможности употреблять краткие отглагольные существительные мужского и женского рода (перетаск, сохран, убывь, нагромоздка, приноровка)²⁴, вместо «долгих» среднего рода (перетаскивание, сохранение, убывание, нагромождение, приноравливание). Такие краткие существительные Солженицын считает «сильными и поворотливыми».

2. По возможности меньше употреблять отвлеченные существительные: «содержать их во фразе поменьше».

3. Образовывать новые приставочные существительные (предместник) вместо общеупотребительных длинных выражений: мой предшественник на этом месте.

4. Свободно образовывать чисто русские наречия (вприпорох, дотонка, одвуконь), «в которых таится главный задаток краткости нашего языка».

5. Больше образовывать новых приставочных глаголов (остегнуться, расклонить, уклонить, вышатнуть,

пришатнуть, доумевать, узвать) от основ общеупотребительных глаголов (застегнуться, наклонить, отшатнуть(ся), недоумевать, звать).

6. «Выискивать и привлекать достойные русские слова» (осязательность), вместо того чтобы «наталкивать без удержу иностранные слова» (конкретность).

7. Словарь Даля является основным источником лексики, отвечающей п.п. 1—6, для «осторожного словарного расширения» литературного языка Солженицыным.

В выше перечисленных положениях примеры взяты Солженицыным из словаря Даля. Чисто солженицынские новообразования следуют этим примерам: +КРЯХТ, +МОРЩЬ, +ОТДАЛЕННИК, +ВРАЗНОКАП, +ДОКОСТИ, +ВГОВАРИВАТЬ, +ПОПРИГАСНУТЬ, +НЕЗАМЕЧАНИЕ и другие²⁵.

В добавление к этим положениям следует отметить у Солженицына (как, впрочем, и у нескольких других писателей) большую свободу образования новых составных существительных и прилагательных.

Обращение к словарю Даля как к сокровищнице «меткого народного слова» было бы естественным при любых условиях; все русские писатели заглядывали в него. Словарь Даля, по словам В. В. Виноградова, «всегда будет спутником не только литератора, филолога, но и всякого образованного человека, интересующегося русским языком»²⁶. Солженицыну же как будто помог случай: он обнаружил словарь Даля в лагере, где он работал «чернорабочим, каменщиком, литейщиком». Словарь этот он, по-видимому, упорно изучал в течение 1950—1952 гг., как свидетельствует Б. В. Бурковский, работавший вместе с ним в лагере: «он часто лежа на нарах читал затрепанный том словаря Даля и записывал что-то в большую тетрадь»²⁷. Можно себе представить, с каким рвением накинулся на словарь Даля в тюремных условиях молодой человек, всю жизнь мечтавший стать писателем! Один из героев Солженицына

— Нержин — упоминает, что он имел в лагере «'Толковый словарь' Даля... издания 1881 года»²⁸; по-видимому, это место — автобиографического происхождения.

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСОБЕННОСТЕЙ

Работая над языком, Солженицын, по-видимому, рассматривает развитие современного литературного языка как процесс, в котором «происходит постоянное взаимодействие литературного языка и диалектов»²⁹. Правда, этого он нигде ясно не формулирует.

Взгляд Солженицына на развитие литературного языка отличается от слишком радикального взгляда Даля, который «...характеризуется полным разрывом со стилистикой современного ему литературного языка, отрицанием церковно-книжной традиции и нетерпимостью к любым формам и лексике западноевропейских языков, перенесенным на русскую почву», и полным признанием «обработанного простонародного языка» как литературного³⁰. Напротив, Солженицын стремится только к обогащению литературного языка, но не к разрушению его системы. Мы также не находим у Солженицына принципиального отвержения церковнославянской стихии в литературном языке.

Точка зрения Солженицына, поскольку это можно усмотреть из его опубликованных произведений, близка ко взглядам В. И. Чернышева: «За последнее столетие нашей литературной лексики произошел огромный сдвиг в сторону расширения литературного языка за счет просторечия и языка областных говоров, но при этом сдвиге не сломилась традиционно-книжная основа языка; всё время в русском литературном языке, при воздействии диалектов и просторечия и при пользовании ими шел отбор и разбор просторечных и областных элементов, определялось их стилистическое место, их смысловая и художественная ценность»³¹.

Одна из трудностей выделения слов-«особенностей»

из авторской речи и статистической их оценки состоит в том, что в произведениях Солженицына встречается тесное переплетение элементов сказа, несобственно-прямой речи и особого приема, в котором Солженицын использует в авторской речи слова и понятия своего персонажа. Получается, по словам Т. Г. Винокур, некая «высшая ступень слияния героя и автора»³². Разбор стилистических приемов Солженицына не относится к теме этой работы; сомнительные случаи статистически отнесены к авторской речи. Примеры (из «Одного дня...»): «А потом проясняться стало, что домой таких не пускают, гонят в ссылку. И где ему будет житуха лучше — тут ли, там — неведомо» (стр. 130). Здесь Солженицын говорит языком Шухова. «Как хвост [колонны зэков. — В. К.] на холм вывалил, так и Шухов увидел: справа от *них*, далеко в степи, чернелась еще колонна, шла она *нашей* колонне наперекос и, должно быть увидав, тоже припустила» (стр. 94)*. (Выделено мной. — В. К.). Здесь начало предложения принадлежит Солженицыну, конец — Шухову.

Почти все слова-«особенности» употреблены в авторской речи. Лишь самая незначительная часть этих слов использована в прямой и несобственно-прямой речи, по-видимому, по стилистическим мотивам.

Почти все слова-«особенности» употреблены в текстах по одному разу, что указывает на их экспериментальный характер — автор их не навязывает. Лишь полдесятка слов писатель употребляет по 4—6 раз, считая их, по-видимому, заслуживающими внедрения. (Примеры: +КРАСИЛЬ, +ГАДСТВО, +МЛАДШИНА, +ПЕРЕКОСОБОЧЕННЫЙ, +ГОТОВНО, +ВПЕРЕКРЕСТ, +ИЗБОКУ, ПЕРЕКЛОНИТЬСЯ (Д), УСПАТЬ (Д), ЕЖЕДЕННО (Д).

* Цитируется по изданию: Александр Солженицын. Собрание сочинений в шести томах, т. I. Изд-во «Посев», Франкфурт-на-Майне, 1970. — Ред.

Из выделенных слов-«особенностей» 60% приходится на солженицынские новообразования и 40% — на слова, взятые из словаря Даля.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ

Около 99% новых слов созданы по способу морфологического словопроизводства, то есть путем аффиксации, сложения или бессуффиксного образования. Этот способ в русском языке наиболее продуктивен. Новые слова создаются «на базе существующих в языке основ и словообразовательных элементов и правил соединения их в словесные единства»³³. В обогащении лексики Солженицыным можно различить следующее.

Расширение синонимических рядов. Большая часть новообразований писателя приходится на лексические синонимы и, вероятно, не случайно. Еще Л. В. Щерба отмечает: «Синонимы... являются до некоторой степени арсеналом готовых обозначений для вновь возникающих понятий, дифференцирующихся из старых»³⁴. И далее: «...достоинство литературного языка определяется степенью сложности системы средств выражения,... то есть богатством готовых возможностей выражать разнообразные оттенки»³⁵. Солженицын создает а) синонимы с разнообразными смысловыми оттенками, как, например: +ВЗГУЛ — начало гула, уточнение к существительному «гул»; +ДОРЕШИТЬ — закончить решение, уточнение к глаголу «решить»; +РАССКОРОМНЫЙ — усиление признака к прилагательному «скромный»; +МАСТЕРОВИТЫЙ — искусный в ремесле; б) синонимы с экспрессивной или эмоциональной окраской, например: +УКРЫВИЩЕ, +ПРИЖАТЕНЬКИЙ, +ИОТОЧКА, +СОЛДЯГА, +РАЗБИТНЯГА, ГРЕМЕЖ и др.; в) точные синонимы слов, имеющих в нормативных словарях, например: +ВЫТАИНА (вытали), +НЕСПЕШЛИВЫЙ (неторопливый), +СНАРОШКИ (нарочно), +ВСКАТИСТЫЙ (крутой), +ОТ-

РУБИСТО (обрывисто, резко, круто), + НЕМОЧНЫЙ (бессильный) и мн. др.

Расширение антонимических пар посредством приставок: + НЕУМЕЛЕЦ — умелец (САН*), + НЕДОБЫЧНИК — добычник (Д), + РАСЩУРИТЬСЯ — прищуриться, + НЕОТВЫЧНЫЙ — отвычный, + БЕЗУДАЧЛИВЫЙ — удачливый, + НЕВСКОРЕ — вскоре и мн. др.

Расширение гнездовых образований («заполнение пустых клеток») русского словаря. Если имеются, например, прилагательные «лучший», «ничтожный», «громкий», «молочный», то писатель образует от них глаголы + ЛУЧШЕТЬ, + НИЧТОЖНЕТЬ, + ГРОМЧЕТЬ, + МОЛОЧНЕТЬ; от существительного «долдон» — прилагательное + ДОЛДОННЫЙ, от существительного «лежебока» — глагол + ЛЕЖЕБОЧНИЧАТЬ; посредством приставок писатель весьма часто создает новые глагольные единицы типа + ЗАЛИСТНУТЬ, + ОТЛИСТНУТЬ, + НАГУЖИВАТЬ (у Даля — погуживать) и отглагольное существительное + ПРИГУЖИВАНИЕ; от нового глагола + ГРОМЧЕТЬ — + ПОГРОМЧЕТЬ и т. п.

Расширение глагольных видовых образований. Например, в литературном языке имеется глагол стонать/застонать: Солженицын добавляет многократный вид + ЗАСТАНЫВАТЬ; от глагола «застыдиться» — + ЗАСТЫЖИВАТЬСЯ, от глагола «избочиться» — несовершенный вид + ИЗБОЧИВАТЬСЯ, от далевского глагола «нахрипеть» — несовершенный вид + НАХРИПЫВАТЬ и мн. др.

Использование существующих слов в иных значениях. Здесь исходным материалом для писателя являются, главным образом, далевские слова, значения которых Солженицын меняет; новые значения не связа-

* САН — здесь и дальше означает: Словарь современного русского языка в 17 томах, АН СССР, 1948—1965. — Ред.

ны с далевскими и не выводимы из них. Значительно реже Солженицын использует слова, которые имеются и в словаре Даля, и в нормативных словарях. В единичных случаях использованы слова, встречающиеся только в литературном языке. Далевский глагол «доспевать/доспеть» со значениями «поспевать, дозревать ... об овощах, плодах: сделать, сработать, устроить; добыть, достать» у Солженицына значит «успевать, поспевать» («Шухов доспел валенки обушь»; или: «А вослед доспевал им Благодарев...»); далевский глагол «отпугаться» в смысле «быть отпугану» означает у Солженицына «перестать пугаться» («Я уж в жизни пуган-перепуган и отпугался»); далевское субстантивированное прилагательное «навершнóй» в значении «верховой, конник, вершник» у Солженицына используется как относительное прилагательное со значением, относящимся к навершью, то есть кверху («...знамя, ...с крестом георгиевским в навершной скобе...»); далевский глагол «разумнѣть» в смысле «поглупеть» у Солженицына принимает противоположное значение «становиться разумнее» с переносом ударения «разумнѣть» («Он холодел, разумнел и даже в насмешку складывались его губы.»); далевский глагол «разрешетить» в значении «расписать решеткою» у Солженицына переосмысливается в «снять решетку» (...окно можно было бы и разрешетить, но тюремное начальство, после колебаний, решило всё же решеточку оставить»).

Интересны несколько новообразований от слов, которые имеются и у Даля, и в нормативных словарях. Так, прилагательное «закатистый» в значении у Даля «разгульный, бойкий; резкий, крепкий» и в САН «долго не прекращающийся, раскатистый (о смехе)» у Солженицына значит иное: «...он выбрался из закатистой кровати...», то есть из кровати с сеткой, в которой человек провисает, от глагола «закатиться» (САН). Такие существительные, как «потяг», «сохатый», «разрез», с

несколькими значениями у Даля и в СРЯ*, приобретают у Солженицына еще новые значения. Как показывают вышеприведенные примеры, образуются случайные омонимы, которые как таковые едва ли составляли цель автора.

Стремление к экономии языка. Отсюда его образование составных существительных типа +ГОЛОВОЛОМАННИЕ, +СЛЕЗОГОВОРЕНИЕ (уговаривание со слезами), +СОЛНЦЕГРЕВ (нагревание солнцем) или сложных прилагательных типа +КРАСНОВОРСИСТЫЙ (с красным ворсом), +ЗОЛОТОГЕРБЫЙ (с золотыми гербами), +ДРЕМУЧЕМОРДЫЙ (с заросшим лицом) и др. Сюда же относятся новые слова, образованные из устойчивых фразеологических или предложных сочетаний: +НЕКМЕСТНЫЙ, +НЕКМЕСТНО (не к месту), +НЕСРУЧНО (не с руки), +НАДАЛТАРЬЕ (помещение над алтарем), +ПРИОГРАДЬЕ (место при ограде) и др.

Предпочтение Солженицыным кратких отглагольных существительных типа +ЗАВЯЗ, ОБСОХ, ПРОЩУП и др. также отражает его стремление к экономии языковых средств.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ

Только около 1% новых слов созданы семантическим способом; эти слова возникают у Солженицына в результате переосмысления, главным образом, далевских слов. Так, далевское слово «добычник» со значениями «добывающий что промыслом или охотой, ловлей; вообще человек, добывающий деньги; стяжательный, жадный, корыстный человек» у Солженицына получает еще одно значение «расхититель, мародер» («По казарме бродило несколько добычников...»); далевское

* СРЯ — здесь и дальше означает: Словарь русского языка в 4-х томах, АН СССР, 1957—1961. — Ред.

прилагательное «застромчивый» в значении «втычливый, способный втыкаться концом. Застромчивый нож» у Солженицына означает свойство материала, вязкий («...той сшивки полукартонных бланков, застромчивых под пером...»); далевский глагол «обопнуться», то есть «опереться ногами», у Солженицына приобретает значение «упереться, упорствовать» («Но Грачиков обопнулся на своем...»).

Незначительное количество чисто семантических новообразований у Солженицына, по-видимому, объясняется тем, что этот способ вообще менее продуктивен, чем морфологический. Кроме того, при этом способе появляются омонимы с неясным вне контекста значением. Например: глагол «продрогнуть» у Даля значит «продрогнуть от холода, от мокроты»; в СРЯ — «озябнуть до дрожи, до озноба»; у Солженицына: «...но какая-то неуверенность продрогнула в ее глазах»; здесь +ПРОДРОГНУТЬ употреблено в значении «дрогнуть» с приставкой ПРО-, то есть сквозь, через.

В своих новообразованиях обоими способами Солженицын явно избегает омонимов: их встречается не больше 2⁰/о.

ДАЛЕВСКАЯ ЛЕКСИКА

Особое внимание уделяет Солженицын далевской лексике. Он пишет: «Употреби [предместник, слистнул, перевильнуть.— В. К.] — и, пожалуй, зашумят, что словотворчество, что выдумывают какие-то новые слова. А ведь это только бережный подбор богатства, рассыпанного совсем рядом, совсем под ногами»³⁶. Источником этого богатства писатель считает словарь Даля. В отборе далевской лексики он руководствуется теми же критериями, что и в своих новообразованиях; в частности, расширяет систему синонимов, этих «...готовых возможностей выражать разнообразные оттенки»³⁷. Далевские слова ТЕРПЕЛЬНИК, ЗАГАР, ЮЛКИЙ, ЖАЛИТЬ,

ОСВЕТ, ЮРИТЬ и др. имеют точные синонимы в нормативных словарях (мученик, начало, верткий, жалеть, рассвет, метаться); далевские слова ИЗЗАБОТИТЬСЯ, ПОГУЖИВАТЬ, СОЖДАТЬ, ПЕРЕМЕСЬ, ИЗНЕМОГА, ОТЕПЛЕТЬ, РАСПАЛ и др. имеют приблизительные синонимы в нормативных словарях (измучиться заботой, гудеть от времени до времени, выжидать, смесь, изнеможение, потеплеть, разгар). Солженицын прямо предлагает расширять лексические единицы от одного корня за счет далевских слов: «...мы усвоили 'отшатнуться', несколько дичимся формы 'отшатнуть', а как хорошо употребить вышатнуть (кол из земли), пришатнуть (столб к стене)»³⁸. Все эти слова взяты писателем из далевского словаря. Еще примеры: ИССЛЕДИТЬ (дойти розыском), РАСКЛОНИТЬ (развести врозь, расширить концами, растопырить), ПРОРАЗУМЕТЬ (провидеть, предвидеть, понимать, знать и проникать умом наперед), УКЛОНИТЬ (отвращать, удалять), ОБМИНУТЬ (миновать, обойти), ПЕРЕХОТЕТЬСЯ (расхотеться, перестать хотеться) и мн. др. Далевские слова типа ПЛОШАК (оплошный человек), ГРЕВО (печное тепло), ЗАНЕБЕСНЫЙ (выше небес находящийся), ВЫГОЛОДАТЬ (изнуриться голодом), ОТЗОЛАЧИВАТЬ (отсвечивать золотом), МОЩЕНКА (мощеная дорога) и др. обладают семантической ёмкостью и показывают тенденцию писателя к экономии языка.

Как в новых, так и в далевских словах писатель крайне скуп на использование переносных значений слова. Наоборот, он иногда доискивается до первичного, исходного, часто забытого значения слова и этим достигает своей художественной цели; примеры: +НЕУМЕЛЕЦ, +ДОБЫЧНИК, НЕУСТУПНЫЙ (от уступ, ступень), НАСМОТР, ОПУСК и др.

В отборе далевской лексики Солженицын не гонится за эффектом, за словом «почудней», позамысловатее, чтобы поразить неискушенного читателя. Напротив, он говорит, что «похвальба же далеко отскачившими и

потому безнадежно утерянными словечками здесь [в работе по обогащению языка] бесполезна»³⁹.

ИНОСТРАННЫЕ СЛОВА

Характерно, что среди слов-«особенностей» в сочинениях Солженицына не встречается иностранных слов; также иностранные корни не используются в новообразованиях. Однако из этого нельзя заключить, что Солженицын нетерпим к иностранной лексике; он не отрещивается от иностранных слов, но и не злоупотребляет ими. Он принимает те, которые прочно вошли в русский словарь, но возражает против массового внедрения новых иностранных слов. В некоторых случаях он употребительные иностранные слова пытается заменить русскими либо своими новообразованиями (+НЕЗАМЕЧАНИЕ вместо игнорирования, +НАДВЫШЕНИЕ вместо градации), либо далевскими (ОЗОР, ОГЛЯД вместо горизонт).

В «языке предельной ясности» (на котором пытается говорить Сологдин «В круге первом») иностранные слова огульно заменены церковнославянскими или русскими. Такой радикальный путь Солженицын отвергает. Здесь у Солженицына опять расхождение с Далем, который в борьбе с «чужесловами» предлагал почти полную замену их чисто русскими народными словами; по Далю резонанс — отбой, голк, наголосок; адресовать — насылать; адрес — насылка; эгоизм — самотность. Если нужное слово не находилось в просторечно-диалектном словаре, Даль творил новое; отсюда появились: живуля (автомат), ловкосилие (гимнастика), соглас (гармония), мироколица, колоземица (атмосфера), синеалый (фиолетовый) и др. Все эти слова не привились в русском литературном языке. У Солженицына таких крайностей не наблюдается.

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНИЗМЫ

Отношение Солженицына к церковнославянской стихии в русском языке неясно. В статье «Не обычай...» он по этому вопросу не высказывается. Возможно, что здесь опять чувствуется влияние Даля. Последний пишет, что из состава его словаря «церковный язык наш исключен; но приняты все выражения его, вошедшие в состав живого языка, также обиходные названия предметов веры и церкви. И славянских слов встречаем мы несколько в речи народной»⁴⁰. На самом деле Даль не только ввёл большое количество церковнославянских слов, которые не имеют отношения к названиям «веры и церкви» (длань, глад, младой, стогна, дщерь, дщи) и которые даже во времена Пушкина не употреблялись в живом языке, но даже иногда дает словарную статью под церковнославянским словом (глас), а не под русским (голос).

Такие слова, как СНИСШЕСТВИЕ, ДОБРОДЕНСТВИЕ, ВОСПИТЫВАТЬ (в смысле питать, кормить), ПОПУСТИТЕЛЬ, взяты, по-видимому, из Даля. Но имеются и церковнославянские новообразования: +ВОЗНОСЧИВО, +ВОЗНАДОБИТЬСЯ, +ВОСКЛУБИТЬСЯ, +ВОСОСТАВИТЬ и др. Употребление этих слов оправдано стилистически, например: «И тут же он остро ВОЗНОСЧИВО помолился про себя...» [здесь и дальше выделено мной. — В. К.] или «...удостаивался он СНИСШЕСТВИЯ примиряющего духа...»; здесь оба слова придают повествованию религиозно-мистическую окраску. В других случаях церковнославянские слова использованы в ироническом плане: «...Спиридон стал интенсивником ... уж затевали они с Марфой строить кирпичный дом, не ведая, что ДОБРОДЕНСТВИЮ такому подходит конец». Или: «И еще бы им теперь не радоваться жизни! Не любить Уш-Терек! и свою глинобитную хибарку! Какого еще им желать другого ДОБРОДЕНСТВИЯ?» В обоих примерах «доброденствие» советского интенсивника и

несчастных ссыльных, живущих в глинобитной хибарке, сомнительно.

Что же касается церковнославянских слов из литературного языка, то Солженицын пользуется ими довольно широко (во всяком случае, гораздо свободнее, чем его советские собратья по перу); примеры: бдение, тщание, денно и ночью, дочь, царские врата, ипостась, сияние и мн. др.

Церковнославянские слова преобладают также в «языке предельной ясности», например: ИСЧИСЛИТЕЛЬ (математик), +ЗИЖДИТЕЛЬ (инженер), +ОШАРИЕ (сфера), +ТИТЛ (тема) и др. Сологдин называет иностранные слова в русском языке «птичьими»⁴¹. Солженицын явно подчеркивает непрактичность обогащения языка таким путем: как только Сологдин попадает в ситуацию, где он должен отстаивать свои интересы, весь язык предельной ясности у него исчезает, и он начинает говорить обычным русским языком.

СЛОВАРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ, КЛАССИФИЦИРОВАННЫЕ ПО ЧАСТЯМ РЕЧИ

Ниже приведены некоторые результаты анализа «особенностей» по частям речи и по суффиксальным группам внутри каждой части речи.

Среди слов-«особенностей» *существительные* представляют самую большую группу (около 400 слов). Половина существительных образована Солженицыным; другая половина взята из словаря Даля.

Бессуффиксные отглагольные существительные мужского и женского рода от приставочных глаголов (типа +ВЗГУЛ, +ПОСТУК, ВСКИД, ЗАПЛЕВ, +НАСТАВА, +ЗАПУЩЬ и т. п.) составляют четверть всех существительных-«особенностей». Мужской род значительно многочисленнее, чем женский род. Эти существительные считаются писателем «краткими, сильными»

и предпочитают распространенным длинным формам среднего рода на —НИЕ (типа сохранение, убывание).

В группе существительных, обозначающих конкретные понятия, слова женского рода преобладают. Наиболее представительные суффиксы: мужского рода —К (КАЧОК, +ЗАХОРОНОК), женского рода —ИН—А (+ИСКОРЧИНА, +УГЛУБИНА), среднего рода —ЬЕ (ЗАЩЕЧЬЕ, +СКРЕСТЬЕ).

Группа существительных, обозначающих отвлеченные понятия, состоит на две трети из слов женского рода и одну треть — среднего (только одно слово мужского рода: +ГРЕМЕЖ). Это объясняется тем, что Солженицын старается не вводить слов иностранного происхождения (на —ИЗМ, —АЖ). Из слов женского рода большинство имеет суффикс —К—А (+ИЗВИНКА, ПОЖИМКА) и суффикс —ОСТЬ (+БЕЗОПОРНОСТЬ, +НЕУНЫВНОСТЬ). Из слов среднего рода наиболее ярко представлены слова с суффиксом —НИЕ (ОСИЯНИЕ, +ПЕРЕПОДЧИНЕНИЕ, +ПЕРЕСТРАДАНИЕ); всё это — абстрактные отглагольные существительные.

Группа существительных с эмоциональной окраской почти вся состоит из существительных мужского и женского рода. В этой группе писатель использует 13 разных суффиксов. Суффиксы —К (+БУДЫЛЕК, +СТРАШОК, +ШЕЛОМОК) и —ИНК—А (+ГРАВИНКА, +ИГРИНКА) преобладают.

Группа субстантивированных прилагательных и причастий состоит всего из 10 слов (ИСКРОВОЙ, +СВИДАЮЩИЙСЯ, +ПОДЗАМОЧНЫЙ); имеется также 3 субстантивированных наречия (+ВПЕРЕД, +ИСКОСОК, УЖОТКО).

Группа составных существительных насчитывает более 40 слов (+ЗЕМЛЕРУБ, +ЧИНОЛЮБ, +СЛЕЗОГОВОРЕНИЕ); здесь солженицынские новообразования преобладают. Почти все типы сложения использованы писателем. Среди составных существительных название

абстрактных понятий и названия лиц более многочисленны.

«Особенности»-прилагательные насчитывают более 250 слов, из них около 180 солженицынских новообразований. Прилагательные с суффиксом —Н а) от основ существительных (+ГУЛЬНЫЙ, +НЕУРЯДНЫЙ, +ЖАЛЮЗНЫЙ, УПРЁЧНЫЙ); б) от глагольных основ (+СЕСТНЫЙ, +НЕОТИРНЫЙ, +РАЗМИННЫЙ) и в) от предложно-падежных сочетаний типа «до отказа» — +ДООТКАЗНЫЙ, «от сердца» — +ОТСЕРДЕЧНЫЙ являются наиболее распространенными в этой группе. Остальные прилагательные представлены разными суффиксами, среди которых наиболее употребительны: —ИСТ (+КАРТОШИСТЫЙ, +ЗАКАТИСТЫЙ, +РАЗЛАПИСТЫЙ), —ЛИВ (ДЫБЛИВЫЙ, +УСПЕШЛИВЫЙ), —ОВ/—ЕВ (СТИХОВОЙ, +СЫЧЕВЫЙ) и —СК (+БИТСКИЙ, ГАДСКИЙ); остальные суффиксы невыразительны.

Составные прилагательные представляют весьма обширную группу (более 80 слов). Использованы все типы сложения (+ГОРЯЧЕГЛАЗЫЙ, +ПЛЮЩЕНОСЫЙ, +ЗЛОУПОРНЫЙ, +ХИТРОСМЕТЛИВЫЙ, +ИЗЗОЛОТО-СЕРЫЙ, +САМОБРОДНЫЙ, +ЗВЕРЕХИТРЫЙ, +ОДНОССЫЛЬНЫЙ, +ЗА-ТРИДЕВЯТЬ-ЗЕМЕЛЬНЫЙ). Эти прилагательные, дающие экономию языковых средств и отличающиеся лексической ёмкостью, по-видимому, пользуются особым вниманием писателя; им образовано 85% составных прилагательных.

Глаголы составляют вторую по величине группу; обнаружено более 350 глаголов, которые можно рассматривать как особенности языка Солженицына; из них 60% новообразований. Особое внимание писатель уделяет приставочным и приставочно-суффиксальным глаголам, которые в сумме — новые и далевские — составляют около 85% всех глаголов. Если принять во внимание причастия, деепричастия и большое количество отглагольных существительных и прилагательных, то

роль глагольного начала в этой особой лексике Солженицына составит около половины всех слов-«особенностей». В работе над языком пристрастие писателя к глагольным образованиям вполне естественно; именно глагол помогает писателю «дать движение, вскрывающее психологию» и найти нужный жест, характеризующий душевное состояние человека⁴².

Самая большая группа новых приставочных глаголов совершенного вида образована от основных глаголов несовершенного вида. В этой группе использованы почти все продуктивные приставки: В—, ВЗ—/ВС—, ВЫ—, ДО—, ЗА—, ИЗ—/ИС—, О—/ОБ—, ОТ—, ПЕРЕ—, ПО—, ПРИ—, ПРО—, РАЗ—/РАС—, С—, У—, которые не только меняют вид, но как-то модифицируют значение основного глагола, иногда придают глагольному действию дополнительный лексический оттенок (+ДОВИДЕТЬ, +ДОЗНАКОМИТЬСЯ, +ИСПЫЛИТЬ). Большинство таких образований писателя отличается тем, что они не составляют видовой пары с основопроизводящим глаголом, они одновидовые.

Особую группу составляют солженицынские глаголы совершенного вида, образованные приставочным способом от глаголов совершенного же вида (+ДОРЕШИТЬ, +ПОРАЗВИТЬСЯ). Разнообразие приставок (ДО—, ИС—, ПО—, ПРИ—, и некоторые другие) здесь ограничено по сравнению с предыдущей группой. Небольшая группа глаголов несовершенного вида образована посредством приставок (ПЕРЕ—, СО— и др.) от бесприставочных глаголов несовершенного же вида (+ПЕРЕПОЛУЧАТЬ, +СОМЫСЛИТЬ). В этих случаях приставки, не меняя вида основного глагола, в какой-то степени модифицируют семантику исходного глагола.

В исследовании сделана попытка сгруппировать одновидовые приставочные глаголы (110 слов) по способам глагольного действия (совершаемости), руководясь ограничением значения, модификацией значения или фазой протекания действия, указываемой пристав-

кой. Рассмотрены следующие способы действия: начинательный (+ВЗЖАЛИТЬСЯ), усилительный (+РАСПЕЛЕНИТЬСЯ), ограничительный (+ПОРАЗВИТЬСЯ), длительно-ограничительный (+ПРОБОЯТЬСЯ), смягчительный (+ПОПРИГАСНУТЬ) и результативный (6 разновидностей: +ОТЛИСТНУТЬ, +ДОЗНАКОМИТЬСЯ). Последний способ — самый распространенный среди «особенностей». В группах глаголов, составленных по способам действия, преобладают глаголы совершенного вида.

Бесприставочные глаголы составляют только 15% всех глаголов-«особенностей» и имеют суффиксы —А—ТЬ/—Я—ТЬ, —ОВА—ТЬ, —Е—ТЬ, —И—ТЬ, и —НУ—ТЬ. Большинство глаголов с суффиксом —А—ТЬ происходит от существительных (+ДОБЫЧНИЧАТЬ); некоторые — от междометий (+ПФУКАТЬ). Глаголы с суффиксом —Е—ТЬ, происходящие от основ прилагательных, содержат весьма оригинальные новые слова (+ГРОМЧЕТЬ, +МОЛОЧНЕТЬ, +ПАСМУРНЕТЬ, +ЧИСТЕТЬ). Большинство глаголов в группе с суффиксом —НУ—ТЬ совершенного вида со значением мгновенности (однократности) действия (+ТЕРАНУТЬ, +ЦЕПАНУТЬ); они происходят от несовершенных многократных глаголов. Сюда же примыкают приставочные глаголы типа +ЗАТУРНУТЬ.

Причастия насчитывают около сотни слов; почти две трети их относятся к солженицынским образованиям. Подавляющее большинство причастий в контекстах употреблено в качестве прилагательных. Почти все причастия произведены от приставочных глаголов. Только четыре причастия образованы от бесприставочных глаголов: +МОЛОЧНЕЮЩИЙ, +БОРОЖДЕННЫЙ, +БЕРЕГОМЫЙ, +БОРМОТОМЫЙ. Имеются причастия, образованные от новых глаголов: +МОЛОЧНЕТЬ — +МОЛОЧНЕЮЩИЙ, +УСТРОЖАТЬ — +УСТРОЖАВШИЙ, +ВЫБЛЕСТИТЬ — +ВЫБЛЕЩЕННЫЙ. Некоторые причастия, по-видимому, предназначены

восполнить пробелы в литературном языке: +ЧЕРЕЗ-СЛЕДУЮЩИЙ⁴³, ПОЖАРЕННЫЙ⁴⁴ и др.

Деепричастия-«особенности» немногочисленны (более 20 слов); половина их образована писателем от глаголов, им же созданных (+ДОМЕДЛЯТЬ +ДОМЕДЛЯЯ, +ПРОКЛИКАТЬСЯ +ПРОКЛИКАЯСЬ). Кроме одного (+ЧЕРТЕЯ), все солженицынские деепричастия образованы от приставочных глаголов.

Наречия насчитывают более 200 слов; из них почти 80% образованы Солженицыным. Столь большая доля новообразований согласуется с планом писателя свободно образовывать наречия, «в которых таится главный задаток краткости нашего языка». Количественно группа наречий на —О (около 90 слов) преобладает над другими группами. В наречиях на —О (+БЕЗОТДАРНО, +ВОНЬКО, +НЕКМЕСТНО, +ОЧУДЕЛО) Солженицын пользуется как качественными, так и относительными прилагательными, следуя практике некоторых русских писателей. Наречия от существительных в творительном падеже (+ОХЛЯБЬЮ, +СКОРОХВАТОМ) выражают обстоятельственные отношения и имеют просторечно-разговорную окраску. В образовании новых наречий от существительных в винительном падеже с предлогом В— и НА— использованы некоторые далевские отглагольные существительные [+ВДОХВАТ — дохват (Д), +ВНАПАШКУ — напашка (Д)]. Несколько наречий на —О образованы от потенциальных, пока не существующих в русском словаре прилагательных (+ЗАГАДОЧНО).

Составные наречия (15 слов) и несколько простых наречий, заменяющие устойчивые фразеологические сочетания (+НЕКМЕСТНО — не к месту, +БЕСКОЛЕБНО — без колебаний, +ЗМЕЕМУДРО — мудро как змий и др.), согласуются с общим стремлением писателя к семантической ёмкости слова и к «краткости нашего языка».

Новшества, идущие вразрез с общепринятой слово-

образовательной практикой, представлены такими наречиями, как +НАИНЕУДОБНО, +ТОПОЛИНО, +ХАМЕЕ и др.

В языке Солженицына нет балагурства или щегольства кудряво-народными словечками; нет у него и словесных «фокусов» или «выкрутасов», в чем его обвиняли некоторые читатели и критики. Представленные здесь результаты лингвистического исследования показывают, что Солженицын провел большой и интересный опыт по возвращению русскому литературному словарю его бывшего богатства и по дальнейшему обогащению его за счет привлечения народной лексики. И в отборе далевской лексики, и в создании новых слов писатель стремится к точным мыслеёмким и вещественным словам, которые он не навязывает, а лишь предлагает. Какие из этих слов привьются в литературном языке, покажет время.

Статья основана на докторской диссертации автора «Словарные особенности языка Солженицына», написанной под руководством † проф. Б. Г. Унбегауна, Нью-Йоркский университет, Нью-Йорк, 1973. — Ред.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ А. Солженицын. Не обычай дегтем щи белить, на то сметана. «Литературная газета» от 4 ноября 1965 г.
- ² В. Даль. Толковый словарь, т. 1, стр. XIV.
- ³ Н. И. Фельдман. Окказиональные слова и лексикография. «Вопросы языкознания», 1957, № 4, стр. 64-73.
- ⁴ А. Солженицын. Не обычай...
- ⁵ А. Солженицын. Не обычай...
- ⁶ А. Солженицын. Не обычай...
- ⁷ И. А. Бодуэн де Куртене. Предисловие к новому, исправленному и дополненному изданию словаря Даля. «Избранные труды по общему языкознанию», т. 2, стр. 236.
- ⁸ А. Н. Толстой. О драматургии. Собрание сочинений, т. XIII.
- ⁹ Р. А. Будагов. Против словесных штампов. «Вопросы культуры речи», вып. № 2, 1959, стр. 3-6.
- ¹⁰ В. В. Виноградов. Заметки о языке советских художественных произведений. «Вопросы культуры речи», вып. № 1, 1965, стр. 57-58.
- ¹¹ Там же.
- ¹² В. В. Виноградов. Заметки о стилистике современной литературы. «Литературная газета» № 124 от 19 октября 1965 г.
- ¹³ И. Бунин. Собрание сочинений, т. I, изд-во Художественная литература, 1965, стр. 40.
- ¹⁴ Новые слова и значения. Словарь-справочник. Институт русского языка АН СССР. Изд-во Советская энциклопедия, М., 1971, стр. 8.
- ¹⁵ Там же, стр. 2.
- ¹⁶ Там же, стр. 3.
- ¹⁷ А. Солженицын. Не обычай...
- ¹⁸ А. Н. Кожин. Возрождение устаревшей лексики. «Русский язык в школе», № 3, 1957, стр. 35-39.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ «Литературная газета» от 4 ноября 1965 г.
- ²¹ А. Солженицын. Не обычай...
- ²² В. И. Чернышев. Правильность и чистота русской речи. «Избранные труды», т. 1, стр. 446.

ИССЛЕДОВАНИЕ НОВООБРАЗОВАНИЙ

- ²³ В. В. Виноградов. О языке Толстого. «Литературное наследство», тт. 35-36, стр. 117-220.
- ²⁴ Все примеры в скобках взяты из статьи «Не обычай...».
- ²⁵ Все примеры новообразований Солженицына в статье отмечены значком + перед словом. (Д) — обозначает слово, взятое в словаре Даля.
- ²⁶ Цитата взята из статьи А. М. Бабкина. «Толковый словарь В. И. Даля». Владимир Даль, Толковый словарь, т. 1, Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, М., 1955, стр. X.
- ²⁷ Известия» от 17 января 1964 г.
- ²⁸ А. Солженицын. В круге первом, стр. 494.
- ²⁹ Л. В. Щерба. Современный русский литературный язык, «Избранные работы по русскому языку», Учпедгиз, 1957, стр. 126.
- ³⁰ М. В. Канкава. В. И. Даль как лексикограф. Изд-во «ЦОД-НА», Тбилиси, 1958, стр. 52.
- ³¹ В. И. Чернышев. Избранные труды, т. 1. Изд-во Просвещение, Москва, 1970, стр. 356.
- ³² Т. Г. Винокур. О языке и стиле повести А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», «Вопросы культуры речи», вып. № 6, 1965 г.
- ³³ Н. М. Шанский. Очерки по русскому словообразованию. Изд-во Московского университета, 1968, стр. 254.
- ³⁴ Л. В. Щерба. Современный русский литературный язык. Избранные работы по русскому языку. Учпедгиз, 1957, стр. 122.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ А. Солженицын. Не обычай...
- ³⁷ Л. В. Щерба. Современный русский литературный язык. Избранные работы, стр. 122.
- ³⁸ А. Солженицын. Не обычай...
- ³⁹ А. Солженицын. Не обычай...
- ⁴⁰ В. Даль. Толковый словарь. О русском словаре, т. 1, стр. XXX.
- ⁴¹ Этот термин Солженицын, по-видимому, взял из воспоминаний А. И. Герцена «Былое и думы» (М., 1968, стр. 343), где русский язык, насыщенный иностранными словами, «астроном Перевощиков называл ... птичьим языком».

⁴² Алексей Толстой. Собрание сочинений, т. X, стр. 144.

⁴³ В нормативном языке есть «завтра» и «послезавтра», но не было слова для обозначения дня следующего за следующим; слово +ЧЕРЕЗСЛЕДУЮЩИЙ родственно выражению «через день», что делает логичным это новообразование.

⁴⁴ Относится к месту пожара, в отличие от «пожарный».